

УДК 82-2

«Чайка» Б. Акунина как прецедентная ситуация**Быстрова Татьяна Евгеньевна**Кандидат культурологии, доцент, профессор,
заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин,

Международный славянский институт,

129085, Российская Федерация, Москва, ул. Годовикова, 9;

e-mail: tpost88@yandex.ru

Аннотация

В статье автор рассматривает пьесу Б. Акунина «Чайка» (2000) с точки зрения теории прецедентности, опираясь на исследования ученых в области современной лингвокультурологии. Цель настоящего исследования – проанализировать произведение Б. Акунина как прецедентную ситуацию. В статье впервые вводится термин «поливариантная прецедентная ситуация» применительно к тексту анализируемой пьесы. Метод, использованный при проведении данного исследования, – метод лингвостилистического анализа текстов. Результаты данного исследования могут быть использованы в курсах по лингвокультурологии, а также в учебных пособиях по стилистике современного русского языка. Автор приходит к выводу, что комедия Б. Акунина «Чайка» – это поливариантная прецедентная ситуация, которая актуализируется с помощью прецедентного имени (в данном случае это неоднократно повторяемое в тексте пьесы имя «чайка», которое напоминает читателю об исходном тексте А.П. Чехова). Также для языка пьесы Б. Акунина характерно осовременивание классических персонажей, что достигается определенными способами: они думают, говорят и поступают, как люди, живущие в настоящее время; в тексте присутствуют обороты, характерные для разговорной речи начала XXI века.

Для цитирования в научных исследованиях

Быстрова Т.В. «Чайка» Б. Акунина как прецедентная ситуация // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 4А. С. 585-596.

Ключевые слова

Прецедентная ситуация, прецедентное имя, Ю.Н. Караулов, А.П. Чехов, «Чайка», Б. Акунин.

Введение

Одной из особенностей современного русского литературного языка является высокая степень интертекстуальности, связь почти любого текста с предшествующими текстами, имеющими определенное культурное значение для тех, кто создает или воспринимает эти тексты. «Понятие интертекста как информационной реальности, связывающей ... текст, человека и время, ... отвечает идее синтеза и потому позволяет по-новому оценить ... природу языковых феноменов цитации, аллюзии и архетипичности» [Дронова, 2004, 92].

Такие категории, как «интертекстуальность» и «прецедентность», в современной лингвистике нередко отождествляются, и, хотя они тесно взаимодействуют друг с другом, можно выделить их различные свойства. Так, Н.А. Кузьмина пишет: «Интертекстуальность соотносена с эстетической ценностью, культурной значимостью, вневременностью, прецедентность с тем, что происходит сейчас и актуально сегодня, но вовсе не обязательно будет значимо завтра. Таким образом, интертекстуальность – это транслируемый код культуры как системы традиционных для человечества ценностей материального и духовного характера, прецедентность – явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры» [Кузьмина, 1999, 205].

Прецедентная ситуация: история вопроса

Ю.Н. Караулов, основоположник отечественной теории прецедентности, еще в 1987 году говорил, что прецедентный текст должен обладать такими свойствами: «1) быть значимыми для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях; 2) иметь сверхличностный характер, то есть быть известным широкому кругу людей, включая предшественников и современников; 3) возобновляться неоднократно в дискурсе отдельной языковой личности и социума» [Караулов, 1987, 76].

В.В. Красных считает, что прецедентные феномены могут быть как вербальными, так и невербальными. Так, к вербальным прецедентным феноменам относятся различные тексты как продукты речемыслительной деятельности, а к невербальным прецедентным феноменам – произведения живописи, архитектуры, скульптуры, музыкальные произведения. К вербальным прецедентным феноменам В.В. Красных относит прецедентное имя и прецедентное высказывание, а к невербальным – прецедентный текст и прецедентную ситуацию [Красных, 1997, 84].

Приведем то понимание прецедентной ситуации, которое представлено в работе «Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов»:

«Прецедентная ситуация – некая „эталонная“, „идеальная“ ситуация, связанная с набором определенных коннотаций, дифференциальные признаки которой входят в когнитивную базу; означающим прецедентной ситуации могут быть прецедентное высказывание или прецедентное имя (например, Ходынка, Смутное время)». [Захаренко, Красных, Гудкова, Багаевой, 1997, 86].

Д.Б. Гудков в более поздней работе называет прецедентной ситуацией «некоторую реальную единичную ситуацию, минимизированный инвариант восприятия которой, включающий представление о самом действии, о его участниках, основные коннотации и оценку, входит в когнитивную базу лингвокультурного сообщества и знаком практически всем социализированным представителям этого сообщества» [Гудков, 2000, 41]. Гудков считает, что актуализация прецедентных ситуаций происходит при их сопоставлении с определенной речевой ситуацией. Вслед за Гудковым ситуацией речи мы называем ту ситуацию, которая «описывается в речи одного из коммуникантов (например, кто-либо рассказывает о сложном походе, который сам говорящий или его слушатели характеризуют как переход Суворова через Альпы), так и ту ситуацию, в которой протекает коммуникация (например, отец, недовольный тем, как разговаривает с ним его сын, может обратиться к нему со словами: “Я тебя породил – я тебя и убью”, актуализируя известную прецедентную ситуацию)» [Гудков, 2000, 41].

Ю.Е. Прохоров считал, что прецедентная ситуация – «некая “эталонная”, “идеальная” ситуация с определенными коннотациями» [Прохоров, 2004]. Примером прецедентной ситуации может служить ситуация предательства Иудой Христа, которая понимается как эталон предательства вообще [там же]. Е.А. Нахимова определяет прецедентные ситуации как «ситуации, к которым обращаются авторы современных текстов в поисках источника для аналогии, способа нетривиальной оценки современных событий или инструмента для моделирования действительности» [Нахимова, 2007, 107]. М.Н. Крылова считает, что прецедентные ситуации включают в себя «набор представлений о наиболее знакомых языковой личности исторических, политических, культурных событиях в нашей стране и за рубежом» [Крылова, 2014, 51]. Этот же исследователь отмечает, что отличие прецедентных ситуаций от прецедентных текстов, прецедентных имен и т. п. в том, что с помощью прецедентных ситуаций «говорящий или пишущий отсылает к стереотипу более объемному, хотя эта значительность выражается ... количественно: прецедентная ситуация, упоминаемая автором сравнения, оживляет в памяти говорящего целое событие, протяженность которого по времени может варьироваться от нескольких мгновений (исторический или политический анекдот) до нескольких столетий (период истории)» [Крылова, 2014, 51].

В нашем исследовании, посвященном пьесе Б. Акунина «Чайка» как прецедентной ситуации, мы будем придерживаться точки зрения В.В. Красных.

Пьеса Б. Акунина «Чайка»

Комедия Бориса Акунина (один из псевдонимов модного писателя современности Григория Шалвовича Чхартишвили) «Чайка» была написана в 2000 году и, разумеется, сразу же привлекла к себе внимание читателей, критиков, исследователей – не только из-за многообещающего заголовка- аллюзии на известную пьесу классика русской литературы А.П. Чехова. Пьеса Акунина была заявлена как продолжение классической пьесы, что может рассматриваться как своеобразная литературная провокация и само по себе вызывает целую гамму чувств – любопытство, неприятие, желание перечитать пьесу Чехова и т. д.

Акунин предлагает свою версию того, что случилось с Треплевым («Константин Гаврилович мертв. Только он не застрелился. Его убили»), причем таких версий восемь, и в каждой – новый убийца. Текст Акунина написан в жанре классического детектива, и является своеобразной стилизацией «под Чехова», что достигается различными средствами. Н.Г. Бабенко говорит о следующих проявлениях поэтики чеховской «Чайки»: «обилие пауз, высокая частотность отрицаний, распространенность противительных синтаксических структур, создание эффекта коммуникативной разобщенности персонажей, текстуальная актуализация мотива любви, разработанность символического лейтмотива» [Бабенко, 2005, 79].

Исследованием акунинской «Чайки» занимались многие ученые – лингвисты и культурологи, в том числе М. Костова-Панайотова, А. Молнар, Е.П. Красильникова, В.В. Савельева, Т.В. Надозирная, Т.Ю. Тверитинова, Г.Д. Чивликлий, Т.Н. Чурляева, М. Шруба и другие. В нашем исследовании мы обратимся к такому пока не изученному аспекту пьесы Акунина, как прецедентность. Считаем, что эту комедию можно назвать большой прецедентной ситуацией, причем в нескольких вариантах развития, которые предлагает сам автор, на чем и строится вся интрига «игры в классики».

«Чайка» Б. Акунина как прецедентная ситуация

Д.Б. Гудков писал, что прецедентная ситуация «выступает вторым членом часто довольно сложной метафоры, реальная ситуация речи сопоставляется с прецедентной ситуацией, которая выступает как образец подобных ситуаций вообще. Нужно сказать, что обращение к прецедентной ситуации в этом отношении оказывается подобно обращению к тому “культурному предмету”, на который указывает прецедентное имя. Последнее также активно

участвует в механизме метафоры» [Гудков, 2000, 43]. Д.Б. Гудков выделял следующие способы актуализации прецедентных ситуаций:

1) «некоторые прецедентные ситуации оказываются поименованы, на них указывают определенные прецедентные имена (Ходынка, Чернобыль и др.) ... такие прецедентные ситуации, как правило, актуализируются с помощью употребления прецедентного имени»;

2) именование некоторых прецедентных ситуаций происходит при помощи четко фиксированных дескрипций, которые оказываются по своему функционированию близки к прецедентным именам;

3) некоторые прецедентные ситуации могут актуализироваться при упоминании прецедентного текста, в котором они нашли свое воплощение» [Гудков, 2000].

В данном случае, как нам кажется, мы имеем дело не просто с затянувшейся прецедентной ситуацией, которая актуализируется с помощью прецедентного имени, а с поливариантной прецедентной ситуацией, когда возможны несколько вариантов развития данной речевой ситуации, и каждый из них имеет право на существование в силу определенных причин.

В пьесе Акунина в качестве прецедентного имени выступает название произведения – «Чайка» (для любого образованного, начитанного человека понятно, что речь идет о пьесе А.П. Чехова), а прецедентная ситуация, которая актуализируется с помощью прецедентного имени «Чайка» – это сама пьеса, но не А.П. Чехова, а Б. Акунина, которая вначале повторяет чеховский текст почти дословно, а затем автор предлагает свои варианты развития этой классической прецедентной ситуации.

Среди исследователей, занимавшихся проблемой прецедентных имен, можно выделить таких ученых, как Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, Д.В. Багаева, Е.А. Нахимова, Е.Ф. Косиченко и др. В нашей статье мы возьмем за основу определение прецедентного имени, данное В.В. Красных: «Прецедентное имя – индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, как правило, относящимся к прецедентным (например, Печорин, Теркин), или с прецедентной ситуацией (например, Иван Сусанин); это своего рода сложный знак, при употреблении которого в коммуникации осуществляется апелляция не к собственно денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени; может состоять из одного (Ломоносов) или более элементов (Куликово поле), обозначая при этом одно понятие» [Красных, 1997, 85].

Первое действие акунинской комедии, к разочарованию тех, кто помнит текст классической «Чайки», представляет собой почти полный текст конца четвертого, последнего действия чеховской пьесы. Второе же действие имеет несколько вариантов развития – восемь своеобразных «дублей» (как их называет Б. Акунин), когда начало каждого варианта отсылает

читателя каждый раз к одной и той же исходной позиции: «Часы бьют девять раз. Дорн (сверяет по своим). Отстают. Сейчас семь минут десятого... Итак, дамы и господа, все участники драмы на месте. Один – или одна из нас – убийца. Давайте разбираться». Автор пьесы в конце первого дубля поясняет: «к концу этой картины, как и всех последующих, кроме самой последней, все актеры должны оказаться на тех же местах, где были в начале картины».

Каждый «дубль» – это отдельная, самостоятельная история убийства Константина Треплева, причем в каждом варианте свой убийца, и все улики указывают именно на него. Так, в первом «дубле» убийца Треплева – Нина Заречная, во втором – Медведенко, муж Маши, убил Константина Треплева из ревности, в третьем – Маша, из ревности к Нине, в четвертом – Илья Шамраев, отец Маши, в пятом – Петр Сорин, брат Ирины Аркадиной, в шестом – сама Ирина Аркадина, в седьмом – Тригорин, в восьмом – сам доктор Дорн, ведущий расследование убийства.

В тексте пьесы несколько раз повторяется прецедентное имя «чайка», причем каждый раз новый персонаж считает себя жертвой – своеобразной подстреленной чайкой. Так, в конце первого дубля убийцей оказывается Нина Заречная, которая говорит про себя: «Я чайка... Я чайка...». В третьем дубле убийца – Маша, соблазненная Треплевым: «Это не Заречная – чайка, это я – чайка. Константин Гаврилович подстрелил меня просто так, ни для чего, чтоб не летала над ним глупая черноголовая птица!» В шестом дубле, когда выясняется, что убийца – мать Треплева Ирина Аркадина, таким образом спасшая сына от гомосексуальной связи со своим любовником, Тригорин говорит: «Здесь, на берегу этого колдовского озера, осталось мое сердце! Твой сын подстрелил его, как белую птицу. Я – чайка!» В конце восьмого, заключительного дубля доктор Дорн, расследующий убийство, сознается, что это он убил Константина Треплева, и объясняет это тем, что покойный Треплев был настоящим преступником, почище Джека Потрошителя, который убивал бедных животных от скуки: «Я защитник наших меньших братьев от человеческой жестокости и произвола... А начиналось все вот с этой птицы – она пала первой. (Простирает руку к чайке.) Я отомстил за тебя, бедная чайка!»

Итак, этими словами: «Я отомстил за тебя, бедная чайка!» заканчивается пьеса Б. Акунина. Прецедентный круг замыкается: комедия начинается с прецедентного имени «Чайка», вынесенного в заглавие, и заканчивается этим же именем в тексте. Занавес закрывается под крик чайки – «постепенно нарастающий и под конец почти оглушительный», как указывает драматург Акунин потенциальным режиссерам-постановщикам своей пьесы, которая, кстати, успешно идет в московских театрах.

Некоторые особенности языка пьесы Б. Акунина

Надо отметить, что акунинский текст – не просто стилизация «под Чехова», автор придает классическим персонажам современные черты: привычные читателям классические персонажи думают, говорят и поступают по-современному, что может удивлять, вызывать недоумение, отвращение и т. д., однако не оставляет равнодушным. Так, Аркадина, узнав о том, что Нина Заречная – убийца ее сына, произносит: «Жалеть ее нечего. Разыграет перед присяжными этакую вот чайку, и оправдают... А что ж – молода, смазлива, влюблена. Таковую рекламу себе сделает на этой истории! Позавидовать можно. И ангажемент хороший получит. Публика будет на спектакли валом валить». Тригорин в результате оказывается нетрадиционной ориентации, он за два года до убийства Константина Треплева признается ему в любви, и поэтому Аркадина увозит Тригорина, чтобы спасти и сына, и его неудавшегося любовника, потому что иначе Треплев убил бы Тригорина. Маша, будучи замужем за Медведенко, сошлась с Треплевым и родила от него ребенка – «ладно бы от любви или хоть бы от сладострастия, а то обидным образом, спьяну» (со слов ее матери, Полины Андреевны Шамраевой, жены отставного поручика, дворянина, а ныне – управляющего Сорина); та же Маша у Чехова нюхает табак, а у Акунина – курит и много пьет.

Несколько раз встречается в пьесе выражение «мозги по/на стенке», причем мы это выражение слышим и из уст доктора, и от актрисы Ирины Аркадиной, матери убитого. Сначала Дорн отвечает Аркадиной, едва оправившейся после обморока, на вопрос: «Доктор, а может быть, он только ранен?» – «Какой там. Прямо в ухо, и мозги по стенке». Но буквально через пару страниц безутешная мать спрашивает Дорна, который сообщил о том, что Треплев не застрелился: «А как же мозги на стенке?»

Доктор Дорн, который согласно восьмому дублю убил Треплева, является секретарем губернского Общества защиты животных – того самого общества, члены которого прославились акциями, достойными современных защитников животных: напали на зоосад и выпустили на волю всех птиц из клеток, или сильно избили циркового дрессировщика за издевательство над тиграми и львами.

Также в первом дубле второго действия возникает еще одно прецедентное имя, связанное с данной прецедентной ситуацией – Чехов. Нина Заречная с усмешкой говорит Борису Тригорину: «Ты ведь, Боренька, в совершеннейшую болонку при Ирине Николаевне превратился. Как у Чехова – „Дама с собачкой“».

Заключение

Итак, можно утверждать, что комедия Б. Акунина «Чайка» (2000) – поливариантная прецедентная ситуация, которая актуализируется с помощью прецедентного имени (в данном случае «Чайка», причем оно повторяется неоднократно в тексте пьесы, напоминая читателю об исходном тексте А.П. Чехова). Для языка пьесы Б. Акунина характерно осовременивание классических персонажей, чего автор достигает тем, что герои думают, и поступают, как люди, живущие в настоящее время; а также используют в речи обороты, характерные для разговорной ситуации начала XXI века.

Библиография

1. Бабенко Н.Г. «Чайка» Бориса Акунина: лингвопоэтика *remake`a* и *retake`a* // Балтийский филологический курьер. 2005. № 5. С. 77-98.
2. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации // Красных В.В., Изотов А.И. (ред.) Язык, сознание, коммуникация. М.: Диалог-МГУ, 2000. Вып. 11. С. 40-46.
3. Дронова Е.М. Интертекстуальность и аллюзия: проблема соотношения // Язык, коммуникация и социальная среда. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. Вып. 3. С. 92-96.
4. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное высказывание и прецедентное имя как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82-103.
5. Исакова О. «Чайка» Б. Акунина и некоторые проблемы поэтики постмодернизма // Молодые исследователи Чехова. 5. М.: МГУ, 2005. С. 53-64.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
7. Костова-Панайотова М. «Чайка» Б. Акунина как зеркало «Чайки» А.П. Чехова // Дети Ра. 2005. № 9(13). С. 35-41.
8. Красильникова Е.П. Жанровый аспект интертекстуальных связей пьес Б. Акунина и А.П. Чехова «Чайка» // Известия Тульского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2011. № 2. С. 472-477.
9. Крылова М.Н. Прецедентные ситуации в образной системе современного русского сравнения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 3. С. 50-54.
10. Кузьмина Н.А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. 268 с.
11. Молнар А. Чайка. Перезагрузка (в прочтении Бориса Акунина) // Практики и

-
- интерпретации. 2016. Т. 1(1). URL: <http://pi-journal.com/index.php/pii/article/view/8>
12. Молнар А. Столкновение жанров в пьесе Б. Акунина «Чайка» // Новый филологический вестник. 2016. № 4(39). С. 96-104.
 13. Надозирная Т.В. Две «Чайки» под одной обложкой, или Акунинские игры в классику // Вісник Харківського національного ун-ту ім. В.Н. Каразіна. Сер. Філологія. 2011. Вип. 61. С. 208-211.
 14. Нахимова Е.А. Прецедентное имя Буратино в современных СМИ // Известия Уральского государственного университета. 2007. № 52. С. 105-112.
 15. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2004. 204 с.
 16. Пьеге-Гро Н. Введение в теорию интертекстуальности. М.: ЛКИ, 2008. 240 с.
 17. Савельева В.В. «Чайка» Б. Акунина – «чисто английское убийство» // Русская речь. 2002. № 6. С. 36-41.
 18. Тверитинова Т.Ю. А. Чехов и Б. Акунин: пастиш-сиквел «Чайка» // Język literature i kultura Rosji w XXI wieku. Teoria i praktyka. Kielce, 2011. S. 355-360.
 19. Чехов А.П. Чайка; Акунин Б. Чайка. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 191 с.
 20. Чивликлий Г.Д. Символика «Чайки» Б. Акунина // Культура народов Причерноморья. 2011. № 211. С. 172-174.
 21. Чурляева Т.Н. Художественный код «Чайки» Б. Акунина // Русская литература в XX веке: имена, проблемы, культурный диалог. Вып. 10: Поэтика драмы в литературе XX века. Томск, 2009. С. 382-401.
 22. Шавель А. Шестое действие «Чайки» // Сборник работ 65-ой научной конференции студентов и аспирантов Белорусского государственного университета: в 3 ч. Минск: БГУ, 2008. Ч. 1. С. 237-241.
 23. Шруба М. Чеховские реминисценции в пьесах Акунина, Сорокина, Глобацкого и Мэмета (К типологии интертекстуальных приемов) // Philologica. 2012. Т. 9. № 21-23. С. 242-257.

The seagull by Boris Akunin as a precedent situation

Tat'yana E. Bystrova

PhD in cultural studies, professor,
head of the department of humanitarian disciplines,
International Slavic Institute,
129085, 9 Godovikova st., Moscow, Russian Federation;
e-mail: tpost88@yandex.ru

Abstract

In the article, the author considers the play *The Seagull* by Boris Akunin (2000) from the standpoint of the theory of precedence, relying on the research of scientists in the field of modern linguistic cultural studies. The purpose of this study is to analyze Boris Akunin's work as a precedent situation. In the article the term "polyvariant precedent situation" is introduced for the text of the analyzed play. The method used in this study is a method of linguistic analysis of texts. The results of this study can be used in courses on linguistic cultural studies, as well as in textbooks on the stylistics of the modern Russian language. The author comes to the conclusion that Boris Akunin's comedy *The Seagull* is a polyvariant precedent situation that is actualized with the help of a precedent name (in this case it is the name of the "seagull" repeatedly repeated in the text of the play, which reminds the reader of the original text by A.P. Chekhov). Also for the language of the play, Boris Akunin is characterized by the modernization of classical characters, which is achieved in certain ways: they think, speak and act like people who are currently living; there are turns typical for colloquial speech of the beginning of the XXI century.

For citation

Bystrova T.V. (2017) "Chaika" B. Akunina kak pretsedentnaya situatsiya [*The seagull* by Boris Akunin as a precedent situation]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (4A), pp. 585-596.

Keywords

Precedent situation, precedent name, Yu.N. Karaulov, A.P. Chekhov, *The seagull*, Boris Akunin.

References

1. Babenko N.G. (2005) "Chaika" Borisa Akunina: lingvopoetika remake`a i retake`a [*The seagull* by Boris Akunin: lingvopoetics of the remake and retake]. *Baltiiskii filologicheskii kur'er* [Baltic philological courier], 5, pp. 77-98.
2. Chekhov A.P. (2001) *Chaika* [*The seagull*]; Akunin B. *Chaika* [*The seagull*]. Saint Petersburg: Neva Publ; Moscow: Olma-Press Publ.
3. Chivliklii G.D. (2011) Simvolika "Chaiki" B. Akunina [Symbols in *The seagull* by B. Akunin]. *Kul'tura narodov Prichernomor'ya* [Culture of the peoples of the Black Sea region], 211, pp. 172-174.
4. Churlyayeva T.N. (2009) Khudozhestvennyi kod "Chaiki" B. Akunina [Artistic code of *The seagull* by Boris Akunin]. In: *Russkaya literatura v XX veke: imena, problemy, kul'turnyi dialog. Vyp. 10:*

-
- Poetika dramy v literature XX veka* [Russian literature in the XX century: names, problems, cultural dialogue. Issue. 10: The poetics of drama in 20th century literature]. Tomsk, pp. 382-401.
5. Dronova E.M. (2004) Intertekstual'nost' i allyuziya: problema sootnosheniya [Intertextuality and allusion: the problem of correlation]. In: *Yazyk, kommunikatsiya i sotsial'naya sreda* [Language, communication and social environment], vol. 3. Voronezh, pp. 92-96.
 6. Gudkov D.B. (2000) Pretsedentnaya situatsiya i sposoby ee aktualizatsii [A precedent situation and ways of its actualization]. In: Krasnykh V.V., Izotov A.I. (ed.) *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], vol. 11. Moscow: Dialog-MGU Publ., pp. 40-46.
 7. Isakova O. (2005) "Chaika" B. Akunina i nekotorye problemy poetiki postmodernizma [*The seagull* by B. Akunin and some problems of the poetics of postmodernism]. In: *Molodye issledovateli Chekhova* [Young researchers of Chekhov], vol. 5. Moscow, pp. 53-64.
 8. Karaulov Yu.N. (1987) *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka Publ.
 9. Kostova-Panaiotova M. (2005) "Chaika" B. Akunina kak zerkalo "Chaiki" A.P. Chekhova [*The seagull* by B. Akunin as a mirror of *The seagull* by A.P. Chekhov]. *Deti Ra* [Children of Ra], 9 (13), pp. 35-41.
 10. Krasil'nikova E.P. (2011) Zhanrovyy aspekt intertekstual'nykh svyazei p'es B. Akunina i A.P. Chekhova "Chaika" [Genre aspect of intertextual relations of *The seagull* plays by B. Akunin and by A.P. Chekhov]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Tula state university. Humanitarian sciences], 2, pp. 472-477.
 11. Krylova M.N. (2014) Pretsedentnye situatsii v obraznoi sisteme sovremennogo russkogo sravneniya [Precedent situations in the figurative system of contemporary Russian comparison]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific notes of Petrozavodsk state university], 3, pp. 50-54.
 12. Kuz'mina N.A. (1999) *Intertekst i ego rol' v protsessakh evolyutsii poeticheskogo yazyka* [Intertext and its role in the evolution of the poetic language]. Ekaterinburg.
 13. Molnar A. (2016) Chaika. Perezagruzka (v prochtenii Borisa Akunina) [The Seagull. Reboot (in Boris Akunin's reading)]. *Praktiki i interpretatsii* [Practices and interpretations], 1. Available at: <http://pi-journal.com/index.php/pii/article/view/8> [Accessed 12/02/2017].
 14. Molnar A. (2016) Stolknovenie zhanrov v p'ese B. Akunina "Chaika" [The clash of genres in *The seagull* by Boris Akunin]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New philological herald], 4 (39), pp. 96-104.
 15. Nadozirnaya T.V. (2011) Dve "Chaiki" pod odnoi oblozhkoi, ili Akuninskie igry v klassiku [Two "Seagulls" under one cover, or Akunin's games in the classics]. *Visnik Kharkivs'kogo*
-

-
- natsional'nogo un-tu im. V.N. Karazina. Ser. Filologiya*. [News of Karazin Kharkiv national university. Philology], 61, pp. 208-211.
16. Nakhimova E.A. (2007) Pretsedentnoe imya Buratino v sovremennykh SMI [The precedent-setting name of Buratino in the modern media]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Ural state university], 52, pp. 105-112.
17. Piégay-Gros N. (2002) *Introduction à l'intertextualité*. Nathan Université (Russ. ed.: Piégay-Gros N. (2008) *Vvedenie v teoriyu intertekstual'nosti*. Moscow: LKI Publ.).
18. Prokhorov Yu.E. (2004) *Deistvitel'nost'. Tekst. Diskurs* [Reality. Text. Discourse]. Moscow: Flinta Publ.; Nauka Publ.
19. Savel'eva V.V. (2002) "Chaika" B. Akunina – "chisto angliiskoe ubiistvo" [The seagull by Boris Akunin as a "pure English murder"]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 6, pp. 36-41.
20. Shavel' A. (2008) Shestoe deistvie "Chaiki" [The sixth act of *The seagull*]. *Sbornik rabot 65-oi nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta* [Collected works of the 65th scientific conference of students and postgraduate students of the Belarusian state university], vol. 1. Minsk, pp. 237-241.
21. Shruba M. (2012) Chekhovskie reministsentsii v p'esakh Akunina, Sorokina, Globatskogo i Memeta (K tipologii intertekstual'nykh priemov) [Chekhov's reminiscences in the plays by Akunin, Sorokin, Globatsky and Memet (To the typology of intertextual techniques)]. *Philologica*, 9 (21-23), pp. 242-257.
22. Tveritina T.Yu. (2011) A. Chekhov i B. Akunin: pastish-sikvel «Chaika» [A. Chekhov and B. Akunin: the sequel for *The seagull*]. *Jezyk literature i kultura Rosji w XXI wieku. Teoria i praktyka* [Language literature and culture of Russia in the 21st century. Theory and practice]. Kielce, pp. 355-360.
23. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. (1997) Pretsedentnoe vyskazyvanie i pretsedentnoe imya kak simvoly pretsedentnykh fenomenov [A precedent statement and a case-law name as symbols of precedent phenomena]. In: *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication], vol. 1. Moscow: Filologiya Publ., pp. 82-103.
-